

ГЛАВА 1

О предках

Мне 62 года, я родился в Тифлисе в 1849 году.

Отец мой, Юлий Федорович Витте, был директором департамента государственных имуществ на Кавказе. Мать моя — Екатерина Андреевна Фадеева, дочь члена Главного управления наместника кавказского Фадеева. Фадеев был женат на княжне Елене Павловне Долгорукой, которая была последней из старшей ветви князей Долгоруких. У моего деда было три дочери и один сын. Старшая дочь, довольно известная писательница времен Белинского, которая писала под псевдонимом «Зинаида Р.», была замужем за полковником Ганом.

Вторая дочь была моя мать. Третья дочь осталась девицей, она до настоящего времени жива, ей, вероятно, около 83 лет — она ныне живет в Одессе. Сын же деда — генерал Фадеев — был ближайшим сотрудником фельдмаршала князя Барятинского, наместника кавказского. Фадеев известен как выдающийся военный писатель.

Старшая дочь, Ган (Зинаиды Р.), имела двух дочерей и одного сына. Она умерла в молодости. Ее

старшая дочь была известная теофизитка, или спиритка, Блавацкая; младшая же дочь — известная писательница, писавшая преимущественно различные рассказы для юношества, — Желиховская. Сын г-жи Ган был ничтожной личностью и кончил свою жизнь в Ставрополе мировым судьей.

Мой старший брат, Александр, умер после последней Турецкой войны. Он окончил курс в Московском кадетском корпусе и служил все время в Нижегородском драгунском полку. Память о нем в этом полку сохранилась до настоящего времени. На войне он многократно отличался, но ни разу не был ранен.

Самый известный его подвиг — это тот, когда его корпусный командир, впоследствии граф Лорис-Меликов, на основании планов Генерального штаба, послал брата с его адъютантом и двумя сотнями казаков сделать рекогносцировку около Карса, причем Александру была дана карта, по которой он должен был проехать по одному направлению около Карса, а вернуться по другому. Из рассказов моего брата я знаю, что произошло следующее: когда он поехал на рекогносцировку, причем адъютант, или состоящий при нем офицер, держал перед собой эту карту, вдруг он встречается с несколькими турецкими батальонами, и так как Александр имел приказание проехать кругом и вернуться с другой стороны, то искомандовал «в атаку». Его эскадрон прорвался через цепь турецкой пехоты, оставив сравнительно незначительное число людей. В это время к турецкому батальону, из которого много людей было уже ими уничтожено, подоспела помощь, и Александр должен был сно-

ва атаковать и снова прорваться, причем в этих двух атаках он оставил на поле половину людей.

Все это произошло потому, что офицеры Генерального штаба составили неправильный план. В атаках все время с братом был флаг этого отряда, и он вернулся, не потеряв этого флага, за что по статуту ему полагался «Георгий».

С покойным братом я очень часто разговаривал о войне; он всегда был очень скромн и благодушен. Я помню, он постоянно мне говорил об ощущениях, которые приходится претерпевать на войне. Александр говорил: «Если кто-нибудь когда-нибудь будет тебе говорить, что он не боялся, идя на войну (и во время войны), — не верь ему. До боя — все боятся, но когда уже начнется бой, то тогда люди действительно забываются, и, забываясь, они перестают чего-либо бояться».

Мне лично пришлось испытать точно такое же чувство, когда я после 17 октября в течение полугода был Председателем Совета. В самый разгар революции, когда я ежедневно и ежечасно подвергал свою жизнь опасности, — меня на каждом шагу предупреждали, чтобы я не ехал туда-то, скрывался бы оттуда-то, говорили о необходимости иметь какую-то охрану, я, несмотря на это, в течение полугода жил без всякой охраны, ездил всюду, не имея не только официальной охраны, но и тайной. Мне часто давали знать по телефону, чтобы я не ехал туда-то и берегся; сидел бы столько-то дней дома, — я никогда не исполнял этого, но должен сказать, что когда я находился у себя, ложился спать, зная, что утром на сле-

дующий день мне придется ехать туда и туда, я все время страшно боялся и, когда мне приходилось спускаться с лестницы, садиться в экипаж и затем ехать туда, где есть публика, народ, то, выходя из дому, я всякий раз страшно трусил, боялся; но, как только я усаживался в экипаж и ехал, у меня эта боязнь проходила, и я ехал, чувствуя себя так же спокойно, как в настоящее время, когда я диктую эти строки. Вот именно тогда-то я и понял то чувство, о котором мне рассказывал мой покойный брат.

Второй мой брат — Борис — ничего особенного собою не представлял; он был любимцем матери и отца и более других избалован. Борис окончил курс вместе со мною, но он был на юридическом факультете. Затем все время он служил в судебном ведомстве и кончил свою карьеру тем, что умер Председателем судебной Одесской палаты. Затем у меня, — как я уже говорил, — были две сестры: одна — Ольга и другая — Софья. Ольга умерла два года тому назад, не достигнув 50-летнего возраста, а младшая — Софья — жива до сих пор и до сих пор находится в Одессе.

Я был любимцем моего дедушки, и в семействе вообще относились ко мне любовно, но, в общем, довольно равнодушно. Старший брат Александр был любимцем бабушки, а сестра Ольга была любимицей отца и матери, как первая дочь, родившаяся после трех сыновей. Софья же была никем особенно не балована, но все к ней относились любовно. Первоначальное воспитание и образование в детстве мы, все три мальчика, получили от нашей бабушки Елены Павловны Фадеевой, урожденной Долгорукой.

ГЛАВА 2

Кавказские наместники

Мой дядя Фадеев был крайне острый на язык, довольно откровенный, т. е. любил болтать. И вот по поводу приезда великого князя он сказал, что завтра Великий Князь въедет в Тифлис и что жена его, Ольга Федоровна, весьма довольна тем, что въезд наместника Тифлиса встречается всем населением с флагами, и экипаж наместника обыкновенно забрасывается цветами, так как она, будучи очень скупой, заранее уже распорядилась, чтобы все эти цветы были собраны и отправлены на конюшню, и таким образом можно будет в течение нескольких дней даром кормить лошадей.

Великий Князь был хорошим кавказским наместником; он был человеком довольно ограниченным, государственно-ограниченным. Будучи наместником, он окружил себя старослужащими на Кавказе и вследствие этого управлял Кавказом весьма недурно.

В это время по гражданской части при наместнике кавказском особенную роль играл мой отец, который, как я говорил ранее, был директором Де-

партаментов государственных имуществ, а по месту этому был вместе с тем и членом совета главного управления наместника кавказского. Таким образом, при Великом Князе Михаиле Николаевиче Кавказ жил той же жизнью, как и при его предшественниках, пользуясь, пожалуй, еще большим к себе вниманием, нежели при предыдущих наместниках, по той простой причине, что наместник Кавказа, Великий Князь был братом Государя Александра II, а его преемнику Государю Александру III приходился дядей.

При Великом Князе, как я уже говорил, были окончательно покорены те части Кавказа (а именно Зап. Кавказ), покорение которых не докончил фельдмаршал Барятинский. Впоследствии при Императоре Александре III, когда Великий Князь оставил Кавказ и был назначен Председателем Государственного Совета, то сначала вместо него на Кавказ был назначен князь Дундуков-Корсаков, но уже не в звании наместника, а в звании главноначальствующего на Кавказе.

После него главноначальствующим на Кавказе был Шереметев, которого Кавказ также любил, потому что и он был кавказским, но и он, так же как и Дундуков-Корсаков, ничем себя не проявил.

После смерти Шереметева на Кавказ был назначен князь Голицын, и он первый начал проводить узкую националистическую политику, а поэтому на Кавказе он был всеми нелюбим, и даже более — ненавидим. Князь Голицын стал ненавистен Кавказу потому, что он был не кавказский, не понимал

духа кавказского и проводил такую политику, которая и послужила одним из главных оснований тех беспорядков, которые были на Кавказе за последние десятилетия.

После князя Голицына на Кавказ был назначен граф Воронцов-Дашков, тот самый Воронцов-Дашков, о котором я упоминал, когда говорил о фельдмаршале князе Барятинском, у которого он состоял одним из младших адъютантов. Граф Воронцов-Дашков — как и вообще все жители Кавказа, а в том числе и я, зная Кавказ с юности, или вернее сказать, с детства, — понимает дух этого края и никогда не сможет забыть, что хотя Кавказ и покорен русскими солдатами, но громадное количество офицеров и начальников этих солдат были туземцы.

Я помню время, когда производство нефти в Баку ограничивалось несколькими миллионами пудов; оно сдавалось с торгов, и эти промыслы находились всецело в руках Мирзоевых. В то время это было самое ничтожное производство, а теперь нынешние промыслы представляют из себя одно из самых громадных богатств Кавказа или, в сущности говоря, Российской Империи. Когда же кавказский наместник очень заинтересовался тем, чтобы на Кавказе было производство чугуна, то он обратился к некоему Липпе, Баденскому консулу в Одессе, который приехал на Кавказ; наместник предложил ему разработать Четахские руды.

Липпе пригласил туда русских горных инженеров (главный инженер Бернули), которые, приехав

в Тифлис, начали разрабатывать эту руду. — Так как все, что касалось государственных имуществ, находилось в ведении Департамента государственных имуществ, т. е. в ведении моего отца, то я помню, что мой отец ездил, между прочим, осматривать эти заводы и при этом брал меня и моего старшего брата Бориса с собой. Приехав на Четахские заводы, мы там до известной степени бедствовали, потому что у нас, мальчиков, был прекрасный аппетит, а нам у немцев за обедом подавали самые удивительные вещи, например суп из черносливов, дичь с варением и проч. В то время Барятинский упрости моего отца взять на себя управление заводом, и мой отец согласился, или, вернее говоря, подчинился желанию наместника.

Но вот неожиданно Барятинский уехал за границу, а на его место был назначен наместником кавказским Великий Князь Михаил Николаевич, которому и было доложено, на каких основаниях ведется это дело. Великий Князь просил моего отца продолжать вести это дело, сказав, что он обо всем напишет Государю, и тогда все это дело будет оформлено и деньги возвращены. Между тем мой отец совершенно неожиданно умер, истратив все состояние моей матери и, кроме того, сделав громадные долги. Таким образом, моя мать очутилась без всяких средств, за исключением тех денег, которые она получила от деда.

ГЛАВА 3

Воспоминания из детства и юности

Из моего раннего детства я помню некоторые вещи, но до настоящего времени оставшиеся в живых мои родные смеются надо мною по поводу того, что я безусловно утверждаю, что когда мне было всего несколько месяцев и в Тифлисе началась эпидемия, то я отлично помню, как мой дед взял меня к себе на лошадь и верхом увез из Тифлиса в его окрестности. Я до сих пор помню тот момент, когда я ехал у него на руках, а он сидел верхом на лошади.

Теперь я хочу рассказать несколько воспоминаний относительно тех лиц, с которыми мне приходилось встречаться в детстве и в юности, которые и тогда уже пользовались известностью. Я помню, когда я был еще совсем мальчиком, экзархом Грузии был очень почтенный старец, иерарх Исидор, который впоследствии очень продолжительное время был Петербургским митрополитом.

Из гражданских лиц, которые впоследствии играли более или менее видную роль в государстве, я мог бы указать на барона Николаи. Этот

барон Николаи, раньше нежели быть начальником главного кавказского управления, был одно время в Киеве попечителем учебного округа, после же он был назначен министром народного просвещения. Брат этого Николаи был военным, он был известен как храбрый генерал. Когда я еще был мальчиком, он был уже генерал-адъютантом и пользовался большой славой в войсках. Он очень странным образом окончил свою жизнь. Когда уже кончилась кавказская война, он вдруг увлекся католицизмом, перешел из лютеранства в католицизм — затем уехал в Рим к папе и сделался католическим монахом.

Я помню также и последнего представителя грузинских царей — князя Ираклия, который был простым полковником, числившимся по кавалерии даже флигель-адъютантом, или адъютантом наместника. Его все звали: князь Ираклий-царевич.

Помню также приезд на Кавказ Тенгоборгского, известного экономиста 50-х годов, который много способствовал привитию в России теории фритредства и благодаря которому мы никак не могли отделаться от этой теории, и только при Императоре Александре III вступили на путь прямого и открытого протекционизма.

Теперь, чтобы рассказ мой был более или менее связным, я хочу рассказать постепенно о моем воспитании и образовании, каким образом я был воспитан и образован.

ГЛАВА 4

Первоначальное воспитание. Гимназия. Университет

Первоначальное образование мне дала моя бабушка, урожденная княжна Долгорукая, т. е. она выучила меня читать и писать. Когда я и мой брат Борис несколько подросли, то нас отдали на попечение сначала дядьки, отставного кавказского солдата, прослужившего 25 лет в войсках, а затем гувернера-француза Ренье.

Одновременно с этим к нам приходила масса различных учителей, все это были учителя Тифлисской гимназии, которые готовили нас к поступлению в гимназию. В это время в гимназии было всего 7 классов, и таким образом в гимназии я был в качестве вольнослушателя в течение 4 лет, при этом я прямо переходил из класса в класс, не сдавая переходных экзаменов. Занимался я очень плохо, большей частью на уроки не ходил.

Наконец наступило время, когда надо было держать экзамен, для того чтобы поступить в университет. Я держал экзамены чрезвычайно плохо, и если бы не учителя гимназии, которые в течение

4 лет к нам ходили и, конечно, получали при этом соответствующее вознаграждение, то я, вероятно, никогда бы экзаменов не выдержал, а так, еле-еле, с грехом пополам, я получал только самые умеренные отметки, которые мне были необходимы для того, чтобы получить аттестат.

Наш отец поместил нас в Ришельевскую гимназию и затем уехал обратно по месту своей службы на Кавказ.

Мы остались, вдвоем с братом, совершенно одинокими. Я начал ходить в гимназию, а мой брат определился вольнослушателем в Новороссийский университет; так что он даже в гимназию и не ходил. Когда мы остались одни, у нас, в сущности у меня, явилось сознание того, что я никогда ничему не учился, а только баловался и что, таким образом, мы с братом пропадем.

Когда у меня явилось сознание, что так дальше жить нельзя, так как мы иначе погибнем, я поступил таким образом: я уговорил моего брата переехать в Кишинев.

В Кишиневе мой брат нашел учителя математики, некоего Белоусова. На другой день по возвращении моего брата из Кишинева мы с ним отправились из Одессы сначала по железной дороге до станции Раздельной, а потом на перекладных в Кишинев. В Кишиневе мы поступили пансионерами к этому учителю гимназии Белоусову, о чем дали знать отцу, который был всем случившимся крайне удивлен.

Прошло 6 месяцев, и наступил срок держать выпускной экзамен. В это время директором гимна-

зии был Яновский, который впоследствии был попечителем учебного округа на Кавказе, а потом членом Государственного Совета.

Яновский экзаменовал меня сам по всем математическим предметам, и по всем этим предметам я получил 5, благодаря этому Яновский, в качестве директора гимназии, являясь постоянно на другие экзамены, сам меня экзаменовал, в сущности говоря, задавал мне самые элементарные, простые вопросы и ставил средние отметки. Таким образом, я и мой брат окончили курс Кишиневской гимназии, затем переехали в Одессу и поступили там в университет. На каникулы же мы уехали к родным на Кавказ.

В университет я поступил на математический факультет, а мой брат — на юридический. Будучи студентом, я принадлежал к числу студентов наиболее правых.

В это время преобладало атеистическое направление, и кумирами молодежи были: Писарев, Добролюбов и Чернышевский. Между студентами были братья Миллеры, которые уже раньше побывали в Сибири в качестве сосланных. Будучи студентом, я мало занимался политикой, потому что постоянно занимался ученьем, но постольку, поскольку я ею занимался, я всегда был против всех этих тенденций, ибо по моему воспитанию был крайним монархистом, каким остаюсь и до настоящего времени, а также и человеком религиозным.

Из моих близких товарищей, как я сказал раньше, был Лигин, который затем сделался профессио-